

зорство, и на въсприятие мзды уклонишася» (Жмакин, стр. 4). Осудив и «наказав», каким должен быть пастырь, Даниил в заключение требует, чтобы он своих огорчений людям не показывал: ему «сладку и веселу быти подобает, аще и не хотящу сердцу от сгнетающих его печалей и скорбей» (Жмакин, стр. 6).

Гиперболически изображены поведение и настроения человека, строго осуждаемого Даниилом за пристрастие к «мирским» забавам: «... пляшещи, скачеша, блудная словеса глаголещи, и иная глумления и сквернословия многая съдеваеши, и в гусли, и в смыки, в сопели, в свирели вспеваеши... гордишися, и превозношаешися, рыкаеши аки лев, и лукавствуеши яко бес, и на диаволская позорища течеши яко свинопас. Жены красны блудница или ино лице женовидно красноюнеющеся видев, и светло и мягко тело обюхав, и притек, объем, целуеши, мызжеши, и руками осязаеши и толико безстуден и безумен быв бесовскою любовию восхитився к ней, аки бы ея внутрь себе вместити, сице помрачен сый, якоже от бессловесных бываа, аки жребецъ некии сластонояростивый, рзяя и сластию распалаяся, аки огнем горя, яко вепрь к свинии своей похотствуа и употеваа, и пены испущаа...» (Жмакин, стр. 19). Даже одежда и весь внешний вид богато одетого человека описан раздраженно осудительно, однако с выразительной наглядностью: «Кая же тебе нужна есть выше меры умыватися и натриватися? И почто не точию власы твоа, но и плоть свою с власы твоими остригаеши от браны и ланит твоих, многажды и главу твою, и повешаеши под брадою пугвици сияюща красны зело, а красишися тако, яко же и женам не лепо есть? Кая же тебе нужна есть сапоги шолком шитыа носити, или каа ти нужна есть не точию выше меры умывати руде, но и перстни златыа и серебряныа на персты твоа налагати?». Даже увлечение охотой Даниил считает бессмысленным: «Кый же ли прибыток ти есть над птицами дни изнуряти? Каа же ти нужна есть псов множество имети» (Жмакин, стр. 28).

Среди других осуждаемых Даниилом пороков особо выразительно представлена зависть и ее вредное отражение в поведении человека: «зависть высоту престолов желает, всех славу на себе влечет, всех честнейша любит быти, лукавства стяжавает, правды отвращает, ближняго злым радуется и веселится яко же о напастех и бедах ближняго. Егда же убо видит кого, добре богатство имуща, завидит, трясется, враждует, укоряет» (Жмакин, стр. 35). Но Даниил умеет определять и положительные качества в поведении человека. Вот как, например, он определяет истинную любовь к ближнему: «Любы долготерпит, благость показывает, любы не завидит, любы не лукавствует, не гордится, не злообразуется, не ищет своих си, не раздражается, не вменяет злое, не радуется о неправде, радуется же о истине, вся верует, все уповает, все терпит, любы николи же отпадает» (Жмакин, стр. 15).

Пройдет немного времени и послание Ивана Грозного в Кирилло-Белозерский монастырь откликнется осуждением «мирских» обычаев в строе монашеской жизни, стилистически продолжающим форму обличений в «наказаниях» митрополита Даниила: «... не имеем ли сел, якоже и мирьстии, не словут ли нивы чернеческия, и езера, и пажитини скотом, и домове твердо ограждени, и храмы светли? Не имеем ли ковчеги со имением твердо хранимы, якоже и мирстии домодержцы? Не красуем ли ся блистаньем златным и веселимся светлостию ризною и величаемся?»⁶⁰

⁶⁰ Послания Ивана Грозного. Подготовка текста Д. С. Лихачева и Я. С. Лурье. Перевод и комментарии Я. С. Лурье. М.—Л., 1951 (серия «Литературные памятники»), стр. 99.